

Фрески кієво-кирилловской церкви XII в.

(Речь, произнесенная А. В. Праховымъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.) *).

Мм. гг.! На мою долю выпала лестная задача сообщить вамъ объ исполненіи перваго крупнаго археологическаго труда, предпринятаго въ благополучное царствованіе Государя Императора,—задача для меня тѣмъ болѣе пріятная, что этотъ археологическій трудъ былъ исполненъ починомъ нашего общества. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Императорскому русскому археологическому обществу открыть и скопировать фрески кирилловской церкви въ Кіевѣ; работы длились два года, и вотъ плоды этихъ трудовъ!...

*) Въ виду особеннаго интереса этого недавняго открытія для читателей нашихъ вообще и въ частности кіевскихъ, воспроизводимъ на благосклонно сообщенному уважаемымъ Адрианомъ Викторовичемъ списку его язычную и богатую содержаніемъ рѣчь, которой прежде насъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ «Журналъ министерства народ. просвѣщенія». Благодаря особой любезности ея автора, имѣвъ случай совѣстно съ нимъ осмотрѣть еще въ сентябрѣ 1881 г. исполненное имъ тогда уже открытіе большей части фресокъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидали общаго намъ описанія оныхъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ и воспроизводимъ оное, что оно является не въ формѣ сухаго археологическаго реферата, но въ видѣ блестящей рѣчи, съ такою легкостью вводящей читателя въ отдаленный вѣками міръ кіевскихъ древностей. Видѣвъ открытія и полуоткрытія тогда фресковыя изображенія—въ натурѣ и прекрасныхъ копіяхъ, мы можемъ лишь раздѣлять увѣренность такъ много потрудившагося профессора въ важности открытія. Мы особо любовались фресками бытоваго характера, воспроизводящими эпизоды изъ житія св. Кирилла Александрійскаго въ обстановкѣ кіевской жизни XII в., а рассматривая остатки картины Страшнаго Суда, пожалѣли вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ о томъ, что рука времени, сохранивъ изображенія праведниковъ, не оставила ни еднаго грѣшника или грѣшницы, въ изображеніяхъ которыхъ отразилось-бы нравственное міровоззрѣніе кіевлянъ XII вѣка.—Р е д.

Напомяну вамъ вкратцѣ исторію нашего памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII в. группируются, какъ извѣстно, около двухъ центровъ, одного — политическаго, другаго — релігіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь георгіевская и ирининская церкви, Михайловскій Златоверхій монастырь, всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного кіевского взгорья въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнсмѣ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Другіе памятники тѣхъ-же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго релігіознаго центра, Кіево-печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе двухъ лѣтъ, кирилловская церковь, и бывшій при ней монастырь одиноко расположены въ противоположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нинѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверо-запада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоятъ кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматеръ русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва-ли еще гдѣ-либо въ кіевской Русѣ найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подоль, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился мифъ о двѣнадцатиглавои змѣѣ, гнѣздившемся въ пещерахъ кирилловской горы и оттуда пожиравшемъ кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о змѣѣ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мѣлъ въ своихъ

богатырскихъ рукахъ. На этой-же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кievлянъ на Дорожитѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣвъ Кіевомъ и престоломъ (5-го марта 1140 г.). Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды—кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла александрійскаго и малымъ придѣломъ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался „огнемъ“ въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ „вняжій дворъ“, въ которомъ охотно жилали Ольговичи; здѣсь-же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ „въ отнемъ ему монастырь“. Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожая, также „положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала“ (1179 г.). Итакъ, будучи „огнею“ въ родѣ Ольговичей, кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четыре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ кирилловской-же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III, Всеволодъ, и его супруга Марія Казиміровна.

Бѣдственный 1240 годъ естественно легъ тяжелымъ бременемъ и на кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ кievскаго Кремля, она, по видимому, пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ вы видите изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка... При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ мнѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробною лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологию.

Первое поздѣйшее свѣдѣніе о кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ нѣкоему Богдану Ивановичу Шавулѣ „тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали“. О монастырѣ ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церкви и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумену Василю Красовскому „Чернобрівцу“ (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отпесена починка сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крыши и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ— въ честь св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ?) въ честь св. Кирилла александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ?) въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность; въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гизель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Дмитрій Савичъ Туптало, святитель ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и понышѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ, въ колокольнѣ была устроена аптека; вѣроятно въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при начатомъ было перетираніи штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже

болѣе: кажется съ этого времени устанавливается неблагоприятное мнѣніе о кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ, при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда, случайно попали на худшую ихъ часть. Блишнее наномипать вамъ, мм. гг., что судьба этого оконоченнаго было памятника окончательно рѣшена была, благодаря вашей энергіи и бдительности.

Ознакомившись съ памятникомъ лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тождественности сооружеія, извѣстнаго вамъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно: стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прикладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ оказалось, что существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь кирилловская является именпо тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г. Какъ вы помните, мм. гг., 7-го ноября 1880 года я имѣлъ честь докладывать вамъ о моей археологической поѣздкѣ въ Кіевъ, и вами было принято мое предложеніе поднять вопросъ объ открытіи кирилловскихъ фресокъ. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на производство этихъ работъ и пожаловать обществу необходимыя для этого средства. Польщенные монаршимъ довѣріемъ, вы приступили къ дѣлу съ возможною осмотрительностію. Возложивъ исполненіе этого дѣла на меня, вы сочли за благо образовать въ Кіевѣ комиссію для наблюденія надъ работами изъ трехъ человекъ: кафедральнаго протоіерея киево-софійскаго собора П. Г. Лебединцева, профессора духовной академіи П. А. Лашкарева и профессора кіевского университета А. А. Котляревскаго. Чтѣ до послѣдняго, то намъ остается только вздохнуть надъ безвременною могилою этого почтеннаго труженика. О. Лебединцевъ и г. Лашкаревъ оказывали мнѣ возможное содѣйствіе и помощь, за чтѣ считаю пріятнымъ для себя долгомъ привести имъ мою глубокую благодарность предъ лицомъ всего общества.

Наши работы начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи фресокъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей. Этотъ протоколъ, своевременно препровожденный вамъ, мм. гг., былъ подписанъ нами 4-го іюня 1881 г., и въ тотъ-же день было приступлено къ работамъ.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была тройкая. Впервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать *архитектурную сторону*, опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, *открыть и скопировать, какъ фрески XII вѣка*, такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ они оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать копіи, такъ-сказать, монументальныя, то-есть по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съ воспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобы эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ третья задача была *эпиграфическая*: собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, начертанныя во многихъ мѣстахъ церкви (*graffiti*), такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ (а многія изъ нихъ съ годами), онѣ могли-бы дать небезынтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника вы видите въ этихъ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю кирилловскаго предѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. Вы обратите, конечно, вниманіе на то, что на чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; затѣмъ вы не упустите изъ виду нѣкоторыя архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсонартикса) двухъ нишей съ арками (*arcosolium*), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слѣва въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ-бы ангелы хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасоліевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольго-

вичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украйнѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ киевскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является далѣе ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узенькій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, въ верху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменныя ступеньки; на нихъ очевидно попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложенымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ насъ внутрь южнаго алтаря на высотѣ 8½ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шифернымъ карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакаго сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ окнѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впоследствии: подробности, интересныя для восстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она внесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было *открытие и копированіе фресокъ*. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ приемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы выкатывали открытую фреску

хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известъ; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то-же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлессоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соди, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части бѣличенаго масла.

Мы начали открытіе фресокъ съ хора, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно большій уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенному къ ней теплому алтарю. Въ паперти уцѣлѣли остатки страшнаго суда, а именно: 1) прямо противъ входа вверху 12 судей—аностоловъ, ниже ихъ налѣво толпа подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ низу врата адавы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соответствующемъ правомъ столпѣ ангелъ свивающій хартію; подпись поясняетъ: ангелъ завиваетъ небо. Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполне выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Передицкаго Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скиптрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія. Въ теплому алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодого мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей. Въ главномъ продольномъ кораблѣ среди множества другихъ остатковъ обращаютъ на себя вниманіе изображеніе четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Мѣсте другихъ лѣвое на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверху, помѣщена рѣшетчатая

изгородь, изъ-за которой отъ пояса видѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери. Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками. На сѣверномъ изъ нихъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парюю голубковъ. Ниже св. апостоль Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (—„паси овцы моя“); подлѣ него приписано его имя. На соответствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопримецъ Симеонъ и св. пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: принесеніе во храмъ. Ниже Богопримца Симеона—св. апостоль Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя. Сѣверный придѣлъ (михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то во весь ростъ, то погрудными въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи: св. Климентъ, св. Константинъ, св. Іосифъ Селунскій. На столпахъ арки, вводящей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь того-же типа, что въ софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или иричащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани, но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія, ниже—Богоматерь, то-есть, „Заступница усердная“, молящаяся за міръ, ниже ея—Евхаристія, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ, еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учителя міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два первомученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшіе своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу вверхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды Любви и Премудрости.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла александрійскаго. Св. Кириллъ правилъ александрійскою кафедрой отъ 412 по 444 годъ. Натура энергичная, дѣятельная; онъ съ перваго появленія на архипастырской кафедрѣ заявилъ себя ревнителемъ православія. Онъ боролся противъ новатіанъ, противъ іудеевъ, противъ классическаго язычества, во главѣ котораго въ Александріи стояла въ то время знаменитая женщина-философъ Ипатія, наконецъ, противъ язычества египетскаго, еще державшагося тамъ и сямъ. Но его главный подвигъ была борьба съ новымъ ересархомъ, архіепископомъ константинопольскимъ Несторіемъ, желавшимъ утвердить за Пречистою Дѣвой названіе Христородицы вмѣсто Богородицы. Постепенно разгораясь, эта борьба, благодаря энергіи св. Кирилла, приняла характеръ вселенскій. Заручившись согласіемъ западныхъ епископовъ въ лицѣ папы римскаго Целестина и восточныхъ іерусалимскаго и антиохійскаго, св. Кириллъ собираетъ мѣстный соборъ въ Александріи и отъ лица собора отправляетъ Несторію ультиматумъ въ видѣ 12 пунктовъ, по которымъ Несторій долженъ былъ отречься. Такъ какъ отреченія не послѣдовало, то православные иноки константинопольскіе убѣдили императора Θεодосія II разрѣшить смуту собраніемъ вселенскаго собора. Весною 431 года собрался этотъ третій вселенскій соборъ въ г. Ефесѣ. Образовалось два собора: одинъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, другой— архіепископа антиохійскаго Іоанна. Между ними начались пререканія и взаимныя изложенія, къ императору пошли противорѣчивыя донесенія. Императоръ приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и его главнаго помощника Мемнона, епископа ефесскаго, и потребовалъ депутатовъ, по восьми отъ каждой стороны, въ Халкидонъ, гдѣ лично разобралъ дѣло и возстановилъ св. Кирилла и Мемнона. Побѣда была на сторонѣ св. Кирилла, но ему пришлось еще долго бороться съ несторіанцами. Онъ скончался въ 444 г., оставивъ церковь умиротворенною. Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытоваго интереса, драгоценны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка

ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: „св. Богородица благословляетъ Аоанасія и Кирилла“. Между дѣятельностью св. Аоанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ, и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ“ переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ „daemones“ (Acta sanctorum), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануѳиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ учитъ люди“ переноситъ насъ на его пастырскую каедру, какъ другая съ надписью: „св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію“ представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ „спустя рукава“, то-есть, въ полномъ покоѣ. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: „св. Кириллъ учитъ царя“ уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ, но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя: это полный нарядъ русскаго князя XII вѣка; вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, унизанные самоцвѣтными камнями, темно-красный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: „св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру“; по срединѣ святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфѣйкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ александрійскій. На немъ конечно было гораздо болѣе участниковъ, но четверо изъ нихъ отправились апокрисіаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Надпись на другой: „св. Кириллъ

учить въ соборѣ“ заставляеть видѣть въ ней изображеніе ничего инаго, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; но на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ, бармахъ, пурпуровой далматикѣ со свиткомъ въ рукахъ; если-же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кириллъ одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому-ли у императора ореоль? Третья картина вполне ясна: св. Кириллъ проклинаеть еретиковъ, то-есть, несторіанцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости—взявшись за бороды. Наконецъ на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Двое молодыхъ людей полагають тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; налѣво опечаленные ученики, направо кадящій священникъ.

Кромѣ этихъ драгоценныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ-же кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій александрійскій.

Вы не упустите, мм. гг., обратить ваше вниманіе на эту массу прекрасныхъ узоровъ: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло-бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII в.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ въ полукуполѣ главнаго алтаря исполненное изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумена Василя Красовскаго на столпѣ въ теперешнемъ тепломъ алтарѣ. Подъ нимъ видѣется фреска XII в., но чья-же рука подыметъ на драгоценный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопоч-

тенныя черты челоуѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обя-
затъ своимъ спасеніемъ!

Проработавъ столько времени надъ этимъ памятникомъ, мы
должны отдать себѣ отчетъ, каково его значеніе. Во-первыхъ, для
Кіева онъ является совершенно новою и краснорѣчивою страницей
въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія кирилловскихъ
фресокъ единственнымъ представителемъ кіевского XII вѣка были
немногіе мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ кіево-михайловскаго злато-
верхаго монастыря. Далѣе, если сравнить кирилловскія фрески съ
прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески георгіев-
ской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередицкомъ Спасѣ въ Новго-
родѣ, въ дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то кромѣ рѣшитель-
наго превосходства въ художественномъ отношеніи, кирилловскія
выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣ-
чаемся съ *картинами бытовыми*.

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ
сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ
XII вѣка. Вы обратили, конечно, вниманіе на то, что всѣ изобра-
женія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ кіево-со-
фійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ
фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надпи-
сями русскими; фрески кирилловскія, нередицкія, ладожскія, Дми-
тріевскія, всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ-ли
заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу соб-
ственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или
другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ
греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если
это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе.
Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка съ ми-
хайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII
вѣка. Вы невольно остановитесь на той особеннсти, что въ живо-
писи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный,
уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгля-
ните на эти двѣ мозаики, Евхаристію софійскаго алтаря и Евхари-
стію михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ,
подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей, — вы неминуемо
отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько есте-

ственности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! Стиль колеблется, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*, то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, на примѣръ, италіанцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства, искаженіе красоты вѣншей и внутренней жизни челоуѣка, далѣе и далѣе до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII — началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство. Итакъ, этой дикой Россіи, принявшей христіанство, сѣмена византійской образованности и византійское искусство въ самомъ концѣ X вѣка, достаточно было *одного только вѣка*, чтобы не только овладѣть совершеннымъ для тѣхъ временъ византійскимъ искусствомъ, но и сдѣлать уже шагъ впередъ!...

Мм. гг., мнѣ не остается ничего болѣе, какъ выразить вамъ мою горячую признательность за то, что вы удостоили меня чести приложить мои силы къ открытію этого важнаго памятника. Работа была не легкая, были минуты усталости, изнеможенія... Но одна мысль всегда воскрешала мою энергію, придавала мнѣ новыя силы—мысль, что я работаю не одинъ, что я работаю какъ часть крѣпко сплоченнаго цѣлага, цѣлага общества, проникнутаго искреннею любовью къ нашей дорогой старинѣ. Это чувство солидарности съ вами, мм. гг., одно только и дало возможность бодро довести ваши труды до конца: эти труды—ваши труды.

Адріанъ Праховъ.